

Романов Илья Владимирович

магистрант кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

e-mail: romanov.ilya97@yandex.ru

Цуя V. Romanov

Graduate Student, Department of Nature Management and Land Cadastre, Belgorod State University;
85, Pobedy st., Belgorod, 308015, Russia

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Чугунова Н.В., Полякова Т.А., Романов И.В. Результаты и тренды развития региональной системы расселения в эпоху неолиберальной урбанизации (на материалах Белгородской области) // Географический вестник = Geographical bulletin. 2019. №2(49). С. 34–45. doi 10.17072/2079-7877-2019-2-34-45.

Please cite this article in English as:

Chugunova N.V., Polyakova T.A., Romanov I.V. Results and trends of the regional settlement system development in the era of neoliberal urbanization (a case study of the Belgorod region) // Geographical bulletin. 2019. №2(49). P. 34–45. doi 10.17072/2079-7877-2019-2-34-45.

УДК 316.443:177.5(470)

DOI: 10.17072/2079-7877-2019-2-45-56

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛЬНО-СТРАТИФИКАЦИОННОГО
НЕРАВЕНСТВА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ****Ульяна Валерьевна Юманова**

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-5278-1553>, SPIN-код: 7012-1813, AuthorID: 76958

e-mail: yumanova@mail.ru

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Чебоксары

Рассматриваются основные процессы формирования территориального неравенства в России за последние несколько лет, основанного на доходной стратификации населения. Нарастающие диспропорции социального развития регионов усиливают социальную напряженность в обществе, что подтверждается последними исследованиями процессов пространственной концентрации. В статье подробно анализируются территориальные изменения основных индикаторов, определяющих ключевые сдвиги и динамику социальной стратификации. Анализ основывается на данных официальной статистики. Среди групп индикаторов определены показатели доходов, доходного и имущественного расслоения, финансовой самооценки домохозяйств и др. Основные положительные тенденции выявляются в сокращении числа регионов с минимальными доходами и снижении социального расслоения. Комплексная индексная оценка территориального неравенства показывает смещение высоких оценок в стабильные и более развитые регионы. В отстающих регионах продолжается ухудшение социальных проблем, что усиливает региональную поляризацию.

Ключевые слова: социальная стратификация, индикаторы, доходное неравенство, Джини, бедность, регион, территориальная дифференциация.

REGIONAL PROCESSES OF SOCIAL AND STRATIFICATIONAL INEQUALITY OF THE POPULATION OF RUSSIA**Ulyana V. Yumanova**ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-5278-1553>, SPIN-code: 7012-1813, Author ID: 76958e-mail: yumanova@mail.ru*Chuvash State University named after I.N. Ulyanova, Cheboksary*

The article discusses the main processes of the territorial inequality formation in Russia over the past few years, based on income stratification of the population. The growing imbalances in the social development of regions increase social tension in society, as evidenced by recent studies of spatial concentration processes. The paper analyzes in detail the territorial changes of the main indicators that determine the key shifts and the dynamics of social stratification. The analysis is based on official statistics. Among the groups of indicator, there are indicators of income, income and property stratification, financial self-assessment of households and others. The main positive trends have been revealed in the reduction in the number of regions with minimum incomes and reducing social stratification. Comprehensive index assessment of territorial inequality shows a shift of high estimates to stable and more developed regions. In lagging regions, social problems continue to worsen, which intensifies regional polarization.

Key words: social stratification, indicators, income inequality, Jinni, poverty, region, territorial differentiation.

Введение

Пространственная социально-экономическая дифференциация, характерная для всех стран мира, определяется как важнейшая проблема развития общества. Территориальная концентрация, как правило, выражена сильнее в странах с переходной экономикой. Региональное неравенство в современной России, для которой характерны большая территория и экономические преобразования, особо остро проявляется во всех сферах жизнедеятельности человека. Резкие диспропорции социального развития при этом усиливают социальную напряженность, особенно в России, с ее многолетними уравнительными традициями [2, с. 48]. Когда неравенство по доступу к ограниченным благам приобретает сущность иерархического ранжирования, т.е. системы социальных страт, в обществе возникает понятие социальной стратификации [8, с. 79].

В широком понимании социальная стратификация характеризуется различиями между слоями общества неравным объемом материального богатства, прав и обязанностей, привилегий и престижа. Стратификационный подход оценки социальной структуры общества, по мнению социологов, перспективен для России, так как существуют кардинально различающиеся социальные группы людей даже в рамках одного класса [5, с. 120]. О процессах, тенденциях и масштабах социальной стратификации наглядно свидетельствует доходное неравенство. Доходная стратификация как важнейшее основание социальной стратификации рассматривается зарубежными учеными с конца прошлого века [10, 11]. Основные подходы к теоретическому анализу и практическому исследованию структурных вопросов социальной стратификации и доходного неравенства нашли широкое отражение в работах социологов (Л.А. Беляева, В.Н. Бобков, М.К. Горшков). Подходы к построению оптимальной для российских условий модели доходной стратификации разработаны Н.Е. Тихоновой, Ю.П. Лежниной и их коллегами [6]. За периоды многолетних российских реформ произошло заметное углубление территориальной дифференциации материального положения населения, уровня и качества жизни. Основные региональные тренды и ключевые проблемы социальной дифференциации и доходного неравенства отражены в работах российских географов (Н.В. Зубаревич, Ю.В. Поросенкова, М.Д. Шарыгина) [1–3, 7]. Анализ доходной социальной стратификации, ее структурные и

территориальные изменения необходимы для понимания современного состояния российского общества и его перспектив.

Материалы и методы исследования

Региональные изменения процессов неравенства социально-экономических процессов прослеживаются на основе анализа статистических показателей и формирования на их основе комплексной оценки за 2015 и 2017 гг. При анализе социальной стратификации общества учитываются не только размеры доходов, но и особенности их распределения, накопленное богатство.

На основе последовательной разработки методологии оценки социально-стратификационного неравенства было выделено несколько групп индикаторов, отражающих различные стороны уровня жизни населения, но определяющие преимущественно доходное неравенство [9]. К первой группе относятся индикаторы доходов населения (среднедушевые денежные доходы, размер зарплаты, располагаемые ресурсы домохозяйств). Вторая группа отражает особенности доходной стратификации населения (коэффициент Джини, коэффициент фондов, уровень бедности, соотношение величины прожиточного минимума (ПМ) и среднедушевых доходов). Третья группа характеризует самооценку финансового положения домохозяйств (достаток денежных средств для любых потребностей и полярная оценка крайней недостаточности средств даже на еду, а также доля домохозяйств с долгами по потребительскому кредиту). Четвертая сводная группа показывает уровень имущественного обеспечения различными товарами (легковым автомобилем, посудомоечной машиной и кондиционером), не характеризующимися как крайне необходимыми, и потому приобретаемыми на дополнительные материальные средства. Кроме того, при оценке неравенства учитываются величина необходимых расходов (стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг) и профессиональный уровень населения (доля высококвалифицированных работников в общей численности специалистов). В исследовании используется официальная статистическая информация Федеральной службы Госкомстата России [4].

В качестве основного метода оценки неравенства в исследовании используется индексный, распределяющий показатели по отрицательным и положительным признакам с целью повышения уровня жизни населения. Группировки формировались на основе относительного подхода к распределению показателей. Применение весовых коэффициентов при комплексной оценке было определено экспертным методом.

Результаты и их обсуждение

География регионов с наименьшими и наибольшими доходами населения в стране сохраняется. Растет число регионов с максимальными доходами. Всего в 10 из 85 регионов страны среднедушевые доходы населения в 2017 г. были выше 40 тыс. руб., что на два региона больше (Московская область и Санкт-Петербург), чем в 2015 г. (табл. 1). Самые высокие показатели среднедушевых денежных доходов в 2017 г. остаются в нефтегазовых регионах Европейского Севера (Ненецком АО более 70 тыс. руб.), Сибири (в Ямало-Ненецком АО 67 тыс. руб. и в Ханты-Мансийском АО 44 тыс. руб.) и Дальнего Востока (в Чукотском АО более 65 тыс. руб., Магаданской и Сахалинской областях около 50 тыс. руб., в Камчатском крае 41 тыс. руб.). Кроме того, доходами выше среднего по стране в Центральном регионе выделяются столичные: Москва (61 тыс. руб.), Московская область и Санкт-Петербург (около 41 тыс. руб.). Расширилась группа регионов с доходами от 20 до 30 тыс. руб. Группы регионов с наименьшими (до 20 тыс. руб.) и средними (от 30 до 40 тыс. руб.) доходами сократились. По-прежнему наименьшими доходами по стране выделяется Республика Тыва (13,8 тыс. руб.). Низкие доходы отмечаются в южных и северокавказских республиках: Калмыкия, Ингушетия (около 15 тыс. руб.) и Карачаево-Черкессия (17 тыс. руб.). К этой группе относятся также республики Поволжья: Марийская, Мордовская и

Чувашская (по 17–18 тыс. руб.). При этом в Чувашии среднедушевые доходы сократились с 18492 руб. в 2015 г. до 17835 в 2017 г., а в Туве – с 15255 руб. до 13800 руб. за этот же период. В стране в целом размер среднедушевых денежных доходов за два года вырос незначительно, на 1 тыс. руб. Выявляется тенденция увеличения регионов с доходами чуть выше минимальных по стране и сокращения числа регионов с минимальными и средними доходами. При этом следует учесть, что территориальное неравенство в доходах населения смягчается кризисными спадами в экономике.

Таблица 1

Распределение числа регионов России по группам среднедушевых денежных доходов населения в 2015 и 2017 гг. [4]

<i>Среднедушевые денежные доходы населения, руб.</i>	<i>Число регионов, 2015 г.</i>	<i>Число регионов, 2017 г.</i>	<i>Изменения числа регионов в 2017 к 2015 г.</i>
Менее 20000	12	9	-3
От 20000 до 30000	50	54	+4
От 30000 до 40000	15	12	-3
От 40000 до 50000	3	5	+2
От 50000 до 60000	2	1	-1
От 60000 до 70000	2	3	+1
Более 70000	1	1	-

Рост среднедушевых денежных доходов населения России за последние годы сопровождается незначительным снижением уровня дифференциации доходов (рис. 1). Индекс Джини, отражающий неравенство распределения доходов, сократился в среднем по стране с 0,413 в 2015 г. до 0,410 в 2017 г. Также снизился еще один показатель социального расслоения населения: коэффициент фондов (с 15,7 до 15,3), характеризующий отношение 10%-ной наиболее обеспеченной группы населения к 10%-ной наименее обеспеченной. В 2010 г. коэффициент фондов составлял 16,6.

Основная часть регионов располагается в диапазоне индекса от 0,350 до 0,400 (рис. 2). Разница между максимальным значением индекса Джини (0,423 в Ямало-Ненецком округе) и минимальным (0,335 в Республике Карелия) составила в 2017 г. 0,088 пункта. Распределение регионов по данному показателю дифференциации доходов населения заметно сконцентрировалось, так как в 2015 г. данная разница составляла 0,126. Наибольшие различия между населением на тот период наблюдались в Москве (0,430), а наименьшие – в Севастополе (0,304).

За последнее десятилетие показатель бедности населения России был минимальным в 2012 г. (10,7%) и максимальным в 2015 г. (13,3%). В 2017 г. показатель бедности снизился до 13,2%. В большинстве регионов России (64 из 85) в 2017 г. уровень бедности находился в диапазоне от 10 до 20%. Самые низкие показатели бедности, как и в 2015 г., сохраняются в Ямало-Ненецком округе (7,5), Республике Татарстан (7,7), Белгородской области (7,9), Москве и Московской области (8,9 и 8,1), Санкт-Петербурге (8,1). Всего в десяти регионах России уровень бедности составляет менее 10%, тогда как в 2015 г. таких регионов было 13. Число регионов с повышенным уровнем бедности от 20 до 30% сохранилось на уровне девяти, но состав их незначительно изменился. К этой группе относятся преимущественно национальные образования федерации: республики Северного Кавказа (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Чечня), Поволжья (Марий Эл), Сибири (Алтай, Якутия) и др. Максимальные значения бедности выросли в Тыве (с 38,2 в 2015 г. до 41,5 в 2017 г.), снизились в Ингушетии (31,9/31,6) и Калмыкии (33,6/30,6).

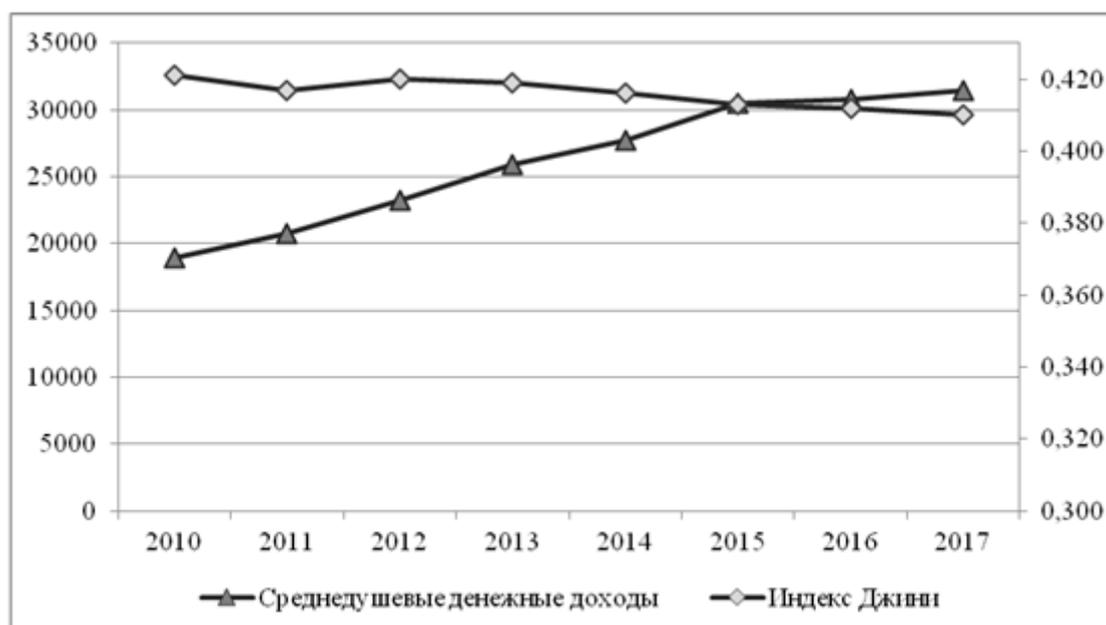

Рис. 1. Изменение среднедушевых денежных доходов населения России и индекса Джини, руб. [4]

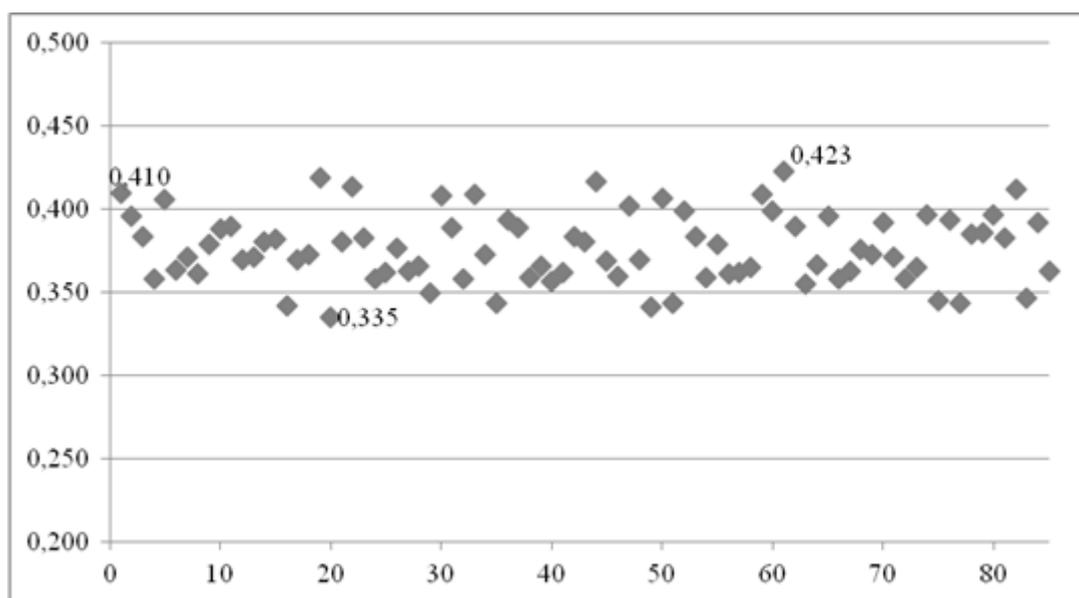

Рис. 2. Распределение регионов России по индексу Джини, 2017 г. [4]

Анализ изменения самооценки населением России своего финансового состояния за последнее десятилетие выявил следующие изменения. С 2010 г. сокращалась доля домохозяйств с 1,8 до 0,9%, оценивавших свое положение как наихудшее, когда денег не хватает даже на еду (рис. 3). За исследуемый период число регионов, в которых доля таких домохозяйств составляет менее 1%, выросло с 37 в 2015 г. до 54 в 2017 г. (большинство их находится в Центральной России). Сократилось с 36 до 24 число регионов, в которых доля таких домохозяйств составляет от 1 до 3%. Наибольшая доля семей с низкими оценками своего благосостояния характерна для Саратовской области (8,7%), Карелии (4,5%), республик юга Сибири (в Хакасии 5,4%, в Бурятии 3,9), Сахалинской области (4,4%).

Полярная группа домохозяйств, которым средств достаточно на любые покупки, наоборот, несколько увеличилась с 2,3 до 2,8% с максимумом в 2013 г. (3,2%). Число регионов, в которых доля таких домохозяйств была минимальной (менее 1%), сократилось с

38 в 2015 г. до 31 в 2017 г. Много таких регионов в Поволжье, Центральной России, на Северном Кавказе. Увеличилось с 19 до 24 число регионов, в которых обеспеченные домохозяйства занимают от 1 до 3%, и с 26 до 27, в которых от 3 до 10% таких домохозяйств. Если в 2015 г. в стране было 4 региона с долей не нуждающихся домохозяйств более 10% (Брянская область 10,1%, Ханты-Мансийский АО 13,1 и Ямало-Ненецкий АО 14,6%, Магаданская область 21,5%), то в 2017 г. таких регионов осталось только 3 (Карелия 10%, Хабаровский край 13,8% и Севастополь 10,2%).

Наиболее широкая группа домохозяйств, которые считают, что средств им достаточно на еду и одежду, но не на товары длительного пользования, продолжает увеличиваться с 43,6 до 49,2%, а за исследуемый период с 2015 по 2017 г. она увеличилась сразу на 3%. Сузившаяся, было, с 24,1% в 2010 г. до 18,8% в 2014 г. группа домохозяйств, которым денег хватает на еду, но сложно покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги, снова увеличилась до 20,2% в 2017 г. И, наоборот, группа домохозяйств, которым денег достаточно на еду, одежду и другие товары, кроме машины и квартиры, изначально расширялась с 27,3% в 2010 г. до 32% в 2014 г., а затем начала сужаться до 25,8% в 2017 г. В целом увеличивается срединная группа домохозяйств с достатком лишь на еду и одежду. Полярные группы домохозяйств с крайним недостатком средств к существованию или с устойчивым достатком сузились.

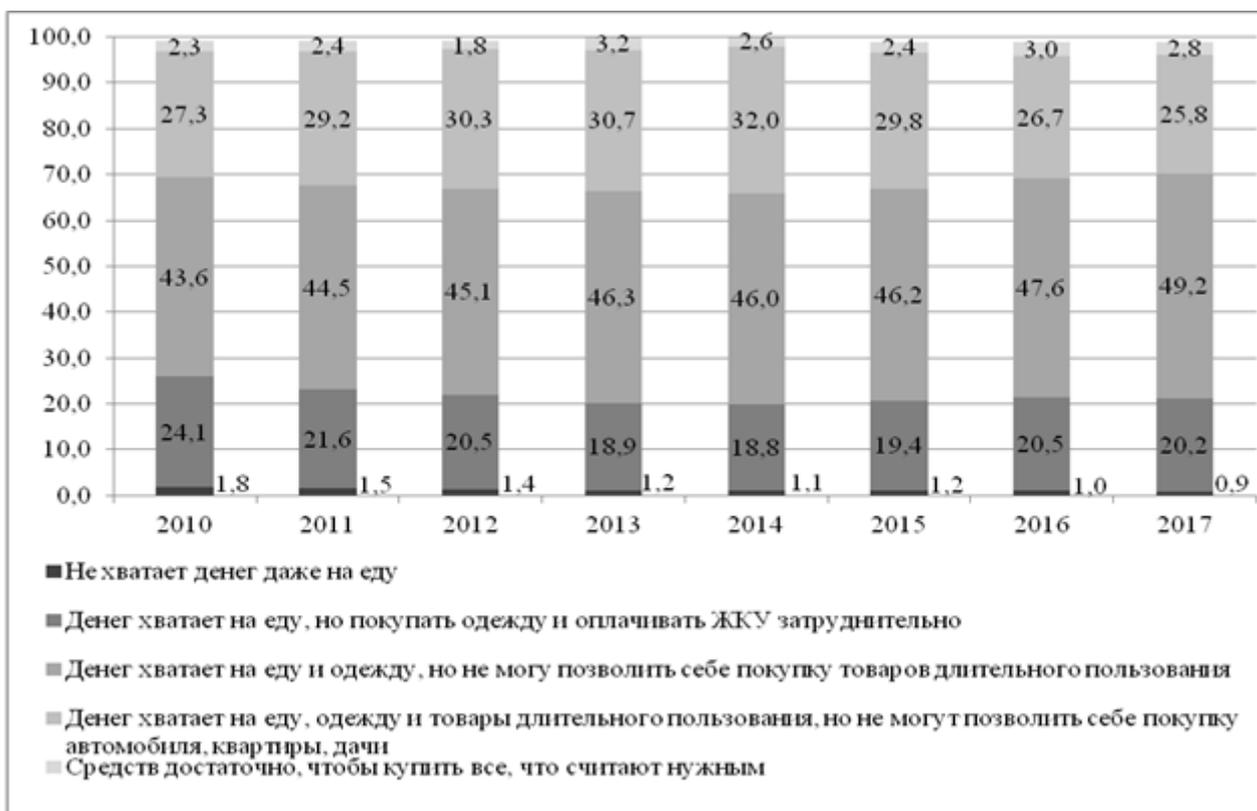

Рис. 3. Изменение структуры домашних хозяйств России по оценке своего финансового положения, % [4]

Еще одна сводная группа показателей отражает уровень имущественного обеспечения различными товарами (легковым автомобилем, посудомоечной машиной и кондиционером). Данный набор показателей характеризует товары как необходимые, но не в крайней степени, и потому приобретаемые на дополнительные материальные средства. С 2015 по 2017 г. уровень автомобилизации в стране повысился с 289 до 305‰ (табл. 2). Максимальные показатели автомобилизации на Дальнем Востоке: в Камчатском (495,5 легковых автомобилей на 1000 чел.) и Приморском краях (417). Более 400 насчитывается в Тверской,

Волгоградской (421), в приграничной Калининградской (387) и Псковской (393) областях. В регионах-лидерах отечественного автомобилестроения уровень автомобилизации ниже: в Самарской области – 298, в Нижегородской – 321. Минимальные показатели автомобилизации в экономически слабых Туве (143) и Крыму (166), в северных бездорожных районах (Чукотский округ – 110, Ненецкий – 198), регионах Северного Кавказа (Дагестан – 186, Ингушетия – 170, Чечня – 165). В остальных регионах страны автомобилизация составляет от 200 до 380.

Уровень обеспеченности домохозяйств посудомоечными машинами в стране в целом низкий. За период исследования он вырос с 9 до 10%. Если в 2015 г. максимальный показатель был 36% (Москва), то в 2017 г. он вырос до 49% (в Ямало-Ненецком округе). Выше уровень в регионах с большими доходами населения: в столичных Москве (снизился с 36 до 27%) и Санкт-Петербурге (с 29 до 27%), нефтегазовых Ямало-Ненецком (вырос с 35 до 49%) и Ханты-Мансийском (снизился с 30 до 28%) автономных округах.

Уровень обеспеченности домохозяйств кондиционерами в целом по стране немного выше, чем посудомоечными машинами, и вырос с 21 до 23% за период исследования. За два года число регионов, в которых уровень обеспеченности кондиционерами был более 50%, увеличилось с 8 до 10. Наибольший уровень обеспеченности кондиционерами – на юге европейской части страны: в Краснодарском и Ставропольском краях (100 и 64%), Астраханской (113), Волгоградской (59), Ростовской (71) областях, в республиках Чечня (59), Калмыкия (82), Адыгея (84) и в Севастополе (75). В Москве показатель снизился с 2015 года до 52%. Большинство регионов характеризуются низкими (менее 10%) показателями обеспеченности домохозяйств кондиционерами: 55 регионов в 2015 г. и 52 в 2017 г. Это преимущественно регионы европейского и азиатского Севера и Сибири.

Таблица 2

Распределение числа регионов России по группам имущественной обеспеченности населения в 2015 и 2017 гг. [4]

Уровень группы имущественной обеспеченности	Число регионов, 2015 г.	Число регионов, 2017 г.	Изменения числа регионов в 2017г. к 2015 г.
<i>Уровень обеспеченности легковым автомобилем, %</i>			
Высокий (от 400)	1	4	+3
Средний (от 200 до 300)	75	74	-1
Низкий (менее 200)	9	7	-2
<i>Уровень обеспеченности домохозяйств посудомоечной машиной, %</i>			
Средний (от 30)	3	1	-2
Пониженный (от 10 до 30)	9	22	+13
Низкий (менее 10)	73	62	-11
<i>Уровень обеспеченности домохозяйств кондиционерами, %</i>			
Высокий (более 50)	8	10	+2
Средний (от 10 до 50)	22	23	+1
Низкий (менее 10)	55	52	-3

Формирование комплексной оценки социально-стратификационного неравенства построено на основе разных направлений неравенства, определяющих главные социальные проблемы региона и тенденции его развития. В результате проведенного исследования выявляются следующие региональные перераспределения (рис. 4). Значения индекса социально-стратификационного неравенства выросли в среднем от 0,492 до 0,526. Если в 2015 г. распределение регионов происходило от 0,224 в Туве до 0,688 в Ямало-Ненецком АО, то в 2017 г. – уже от 0,306 в Туве до 0,722 в Камчатском крае.

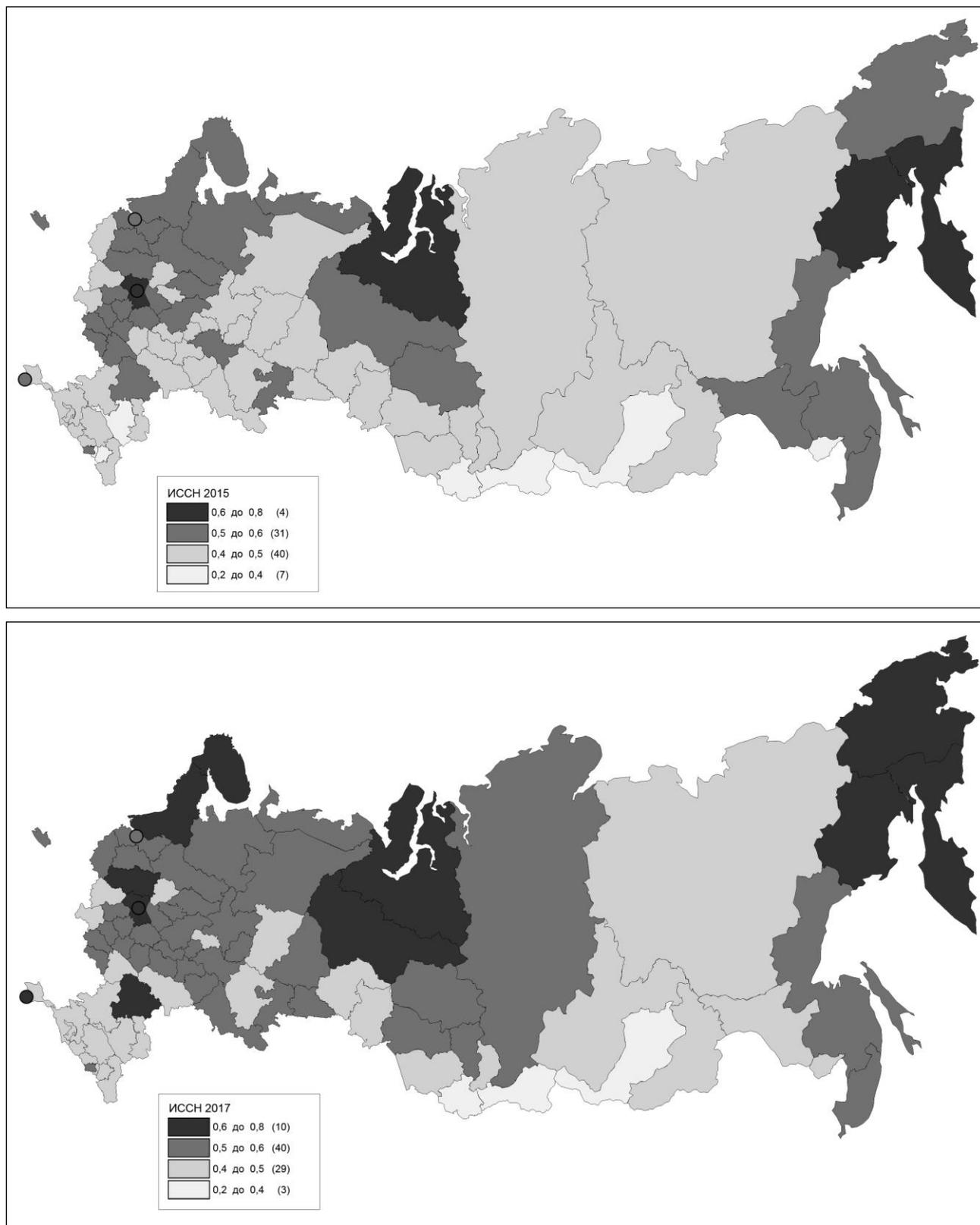

Рис. 4. География социально-стратификационного неравенства населения России за 2015 и 2017 гг. (составлено автором по [4])

Заметно сократилось число регионов с минимальными (менее 0,400) значениями индекса социально-стратификационного неравенства (с 7 в 2015 г. до 3 в 2017 г.). Это преимущественно республики Северного Кавказа и юга Сибири. В целом для них

характерны низкие показатели доходов населения, обеспеченности имуществом, низкая самооценка финансового положения.

Калмыкия, Ингушетия, Чечня и Еврейская автономная область по результатам оценки 2017 г. вышли из группы с низким уровнем, индекс в них поднялся выше 0,400. В Ингушетии сохраняются самые низкие по стране располагаемые ресурсы домохозяйств. В Чечне повысилось соотношение ПМ к доходам, снизился уровень расслоения по доходам, улучшилась самооценка положения населения. В Еврейской области также снизился уровень расслоения общества, повысились располагаемые ресурсы домохозяйств, снизилась доля домохозяйств с долгами по потребительским кредитам.

В 2017 г. в группе с низким значением индекса остались республики Алтай, Бурятия и Тыва. При этом в Тыве самые низкие по стране доходы населения, самый высокий уровень бедности (увеличился за два года до 41,5%), самое высокое соотношение ПМ к доходам (выросло с 64 до 70), ухудшилась соответственно самооценка населения и выросла и без того самая высокая в стране доля домохозяйств с долгами по потребительским кредитам. В Бурятии и на Алтае также высокая и далее повышающаяся доля домохозяйств с долгами по кредитам в связи с низкими доходами населения, повышается уровень бедности, снижается самооценка финансового положения и увеличивается расслоение общества.

Снизилось с 40 до 29 число регионов со средними (от 0,400 до 0,500) значениями индекса. Это преимущественно регионы Северного Кавказа, юга Сибири и Дальнего Востока. Одновременно увеличилось с 33 до 41 количество регионов с повышенным индексом (от 0,500 до 0,600), преимущественно за счет регионов Европейской части России. К ним относятся также регионы Европейского Севера и Северо-Запада, Поволжья, области Западной Сибири и края Дальнего Востока.

Число регионов, в которых индекс социально-стратификационного неравенства оценен как высокий (более 0,600), увеличилось с 5 до 12. К Москве и Московской области, Ямало-Ненецкому автономному округу, Камчатскому краю и Магаданской области в 2017 г. добавились Тверская, Мурманская области, Карелия, Волгоградская область, Ханты-Мансийский, Чукотский автономные округа и г. Севастополь. К основным положительным тенденциям в этих регионах можно отнести значительное, чем в других субъектах, повышение уровня доходов населения, снижение уровня расслоения по доходам, улучшение финансовой самооценки и имущественной обеспеченности.

В Москве и Московской области быстрее росли доходы населения. В столице несколько снизились еще в 2015 г. бывшие самыми высокими по стране показатели расслоения населения, сохраняется относительно низкий уровень бедности (8,9%). Для регионов характерны самые высокие в стране показатели доли квалифицированных работников (48–49% в Москве), рост самооценки наиболее обеспеченных слоев населения, рост уровня имущественной обеспеченности. В Волгоградской области существенно снизились уровень расслоения по доходам, доля должников по кредитам, улучшилась имущественная обеспеченность. Несмотря на государственную поддержку и снижение уровня бедности в Севастополе сохраняются относительно низкие доходы и увеличивается расслоение населения; самооценка финансово обеспеченного населения и имущественная обеспеченность улучшились.

Северные Мурманская, Тверская области и Карелия перешли в группу с высоким уровнем преимущественно за счет некоторого снижения уровня не только расслоения населения (в Карелии самые низкие значения по стране), но и уровня бедности (в Тверской и Мурманской обл.). В регионах улучшилась финансовая самооценка населения: в Карелии и Тверской области значительно выросла доля финансово обеспеченного населения. В Карелии и Мурманской области существенно снизилась доля населения с долгами по кредитам и улучшилось имущественное обеспечение.

Нефтегазовые Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа выделяются высокими доходами и расслоением. В Ямало-Ненецком АО отмечаются самые высокие по

стране показатели расслоения по доходам, низкий уровень бедности и отношение ПМ к доходам. Ханты-Мансийский округ перешел в тип регионов с высоким уровнем неравенства в результате роста доходов и располагаемых ресурсов домохозяйств, увеличивающегося расслоения по доходам. При этом финансовая самооценка населения этих регионов ухудшилась.

На Дальнем Востоке к Камчатскому краю с самым высоким уровнем социально-стратификационного неравенства (0,722) и Магаданской области добавился Чукотский автономный округ за счет повышения уровня доходов населения (здесь самая высокая зарплата по стране). В этих регионах снижается расслоение по доходам, повышается уровень бедности. Однако рост и без того высокой стоимости жизни в этих удаленных регионах вызывает снижение самооценки финансового благополучия населения.

Выводы

Территориальная оценка социальной стратификации за прошедший период подтверждает продолжающуюся дифференциацию регионов. Несмотря на разнонаправленное перераспределение регионов по доходным группам выявляется тенденция увеличения регионов с доходами незначительно выше минимальных и сокращения регионов с минимальными доходами.

Рост среднедушевых денежных доходов за последние годы сопровождается незначительным снижением уровня их распределения и большей концентрацией регионов, скученностью. Результаты опросов показали, что сократилась доля самых бедных домохозяйств и существенно увеличилась доля срединных групп. В целом произошло большее смещение высоких оценок в экономически стабильные и относительно более развитые регионы страны. В проблемных же регионах продолжается наметившееся за последние несколько лет ухудшение социального положения населения. Задача государства в отношении таких регионов заключается в увеличении трансфертов на социальные, а не на экономические цели.

Библиографический список

1. Воронин В.В., Кочуров Б.И., Парстенева Н.П., Ю.В. Поросенков, Ю.А. Токарев, М.Д. Шарыгин. Социальная география Российской Федерации. М., 2016. 308 с.
2. Зубаревич Н.В. Динамика и глубина региональных социально-экономических контрастов // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / под ред. С.С. Артоболевского и О.Б. Глезер. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2011. С. 48–64.
3. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М., 2010. 160 с.
4. *Официальный сайт Росстата*. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 28.02.2019).
5. Тихонова Н.Е., Давыдова Н.М., Попова И.П. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // Социологические исследования. 2004. №6. С. 120–130.
6. Тихонова Н.Е., Лежнина Ю.П., Мареева С.В. и др. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.
7. Шарыгин М.Д. Современные проблемы экономической и социальной географии. Пермь, 2007. 426 с.
8. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012. 526 с.
9. Юманова У.В. География уровня жизни населения региона. Чебоксары, 2012. 200 с.
10. Lenski G. Income stratification in the United States: toward a revised model of the system // *Research in Social Stratification and Mobility*. 1984. Vol.3. P. 173–205.
11. Rytina J.H., Form W.H., Pease J. Income and stratification ideology: Beliefs about the American opportunity structure // *American Journal of Sociology*. 1970. Vol. 75. No.4. P. 703–716.

References

1. Voronin, V.V., Kochurov, B.I., Parsteneva, N.P., Porosenkov, YU.V., Tokarev, YU.A. and SHarygin, M.D. (2016), *Socialnaya geografiya Rossijskoj Federacii* [Social Geography of the Russian Federation], Infra-M, Moscow, Russia.
2. Zubarevich, N.V. (2011), *Dinamika i glubina regional'nyh social'no-ehkonomicheskikh kontrastov* [Dynamics and depth of regional socio-economic contrasts], in Artobolevskiy, S.S. and Glezer, O.B. (ed), *Regionalnoe razvitie i regionalnaya politika Rossii v perekhodnyj period* [Regional development and regional policy of Russia in transition], Izdatelstvo MGTU im. N.E.H. Bauman, Moscow, Russia, pp. 48–64.
3. Zubarevich, N.V. (2010), *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizaciya* [Regions of Russia: inequality, crisis, modernization], Nezavisimyj institut socialnoj politiki, Moscow, Russia.
4. Rosstat official website, Retrieved from: <http://www.gks.ru/> (Accessed 28.02.2019).
5. Tihonova, N.E., Davydova, N.M. and Popova, I.P. (2004), "Living level index and stratification model of Russian society", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, n6, pp. 120–130.
6. Tihonova, N.E., Lezhnina, YU.P., Mareeva, S.V, Anikin, V.A., Karavaj, A.V. and Slobodenyuk, E.D. (2018), *Model dohodnoj stratifikacii rossijskogo obshchestva: dinamika, faktory, mezhsranovye sravneniya* [Model of income stratification of Russian society: dynamics, factors, cross-country comparisons], in Tihonova, N.E. (ed), *Nestor-Istoriya*, Moscow, St.-Petersburg, Russia.
7. SHarygin, M.D. (2007), *Sovremennye problemy ehkonomicheskoy i socialnoj geografii* [Modern problems of economic and social geography], Permskij universitet, Perm, Russia.
8. SHkaratan, O.I. (2012), *Sociologiya neravenstva. Teoriya i realnost* [Sociology of inequality. Theory and reality], Moscow, Russia.
9. YUmanova, U.V. (2012), *Geografiya urovnya zhizni naseleniya regiona* [Geography of the level of living of the population of the region], Izdatelstvo CHuvashskogo universiteta, CHEboksary, Russia.
10. Lenski, G. (1984), "Income stratification in the United States: toward a revised model of the system", *Research in Social Stratification and Mobility*, Vol. 3, pp. 173–205.
11. Rytina, J.H., Form W.H. and Pease J. (1970), "Income and stratification ideology: Beliefs about the American opportunity structure", *American Journal of Sociology*, Vol. 75, no. 4, pp. 703–716.

Поступила в редакцию: 12.03.2019

Сведения об авторе

Юманова Ульяна Валерьевна

кандидат географических наук,
доцент кафедры экономической и
социальной географии, Чувашский
государственный университет им.
И.Н. Ульянова;
Россия, 428015, Чувашская Республика, г.
Чебоксары, пр. Московский, 15

About the author

Ulyana V. Yumanova

Candidate of Geographical Sciences, Associate
Professor, Department of Economic and Social
Geography, Chuvash State University named
after I.N. Ulyanova;
15, Moskovskiy prospekt, Cheboksary, Chuvash
Republic, 428015, Russia

e-mail: yumanova@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Юманова У.В. Региональные процессы социально-стратификационного неравенства населения России // Географический вестник = Geographical bulletin. 2019. №2(49). С. 45–56. doi 10.17072/2079-7877-2019-2-45-56.

Please cite this article in English as:

Yumanova U.V. Regional processes of social and stratificational inequality of the population of Russia // Geographical bulletin. 2019. №2(49). P. 45–56. doi 10.17072/2079-7877-2019-2-45-56.

УДК 378:37.014.24

DOI: 10.17072/2079-7877-2019-2-56-66

**ТЕНДЕНЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В СОСТАВЕ
КОНСТРУКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ****Фрида Захаровна Мичурина**

AuthorID: 3869249

e-mail: fridame@yandex.ru

*Пермский государственный аграрно-технологический университет
им. академика Д.Н. Прянишникова, Пермь***Оксана Владимировна Фотина**ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0481-5413>, SPIN-код: 8803-0074, AuthorID: 696590

e-mail: oksanafotina@gmail.com

*Пермский государственный аграрно-технологический университет
им. академика Д.Н. Прянишникова, Пермь*

Образовательные системы стран мира в условиях глобализации претерпевают различного рода изменения: в частности, интернационализация высшего образования и появление нового актора в образовательной системе – образовательного мигранта. Образовательная миграция вызывает качественные изменения не только в самом образовательном пространстве, но и в социально-экономическом пространстве отдельных государств, реагирующих на новые потребности. В статье отражена объективность происходящих изменений на основе экскурса в историю интернационализации образования в России, свидетельствующего о тенденциях формирования миграционных потоков. Анализ стран-доноров для российской системы образования и выбора мигрантами высших учебных заведений позволит разработать стратегию повышения конкурентоспособности образовательных программ для привлечения большего количества иностранных студентов в вузы Российской Федерации.

Ключевые слова: высшее образование, интернационализация высшего образования, образовательная миграция, иностранные студенты, мировой рынок образовательных услуг, страна-реципиент, страна-донор.

**EDUCATIONAL MIGRATION TRENDS AS PART OF CONSTRUCTIVE
DIRECTIONS IN THE DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION****Frida Z. Michurina**

AuthorID: 3869249

e-mail: fridame@yandex.ru

*Perm State Agro-Technological University named after Academician D.N. Pryanishnikov, Perm***Oksana V. Fotina**ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0481-5413>, SPIN-код: 8803-0074, AuthorID: 696590

e-mail: oksanafotina@gmail.com

*Perm State Agro-Technological University named after Academician D.N. Pryanishnikov,
Perm*